

Меридианами
дружбы

РАДОСТЬ УЗНАВАНИЯ

В сказке об «альх парусах» Асоль и капитан Грей готовились к своей встрече всю жизнь. И, наверное, потому, повстречавшись, тотчас узнали друг друга. Так в сказке. В жизни же с первой встречи узнавание только начинается.

...Однажды после спектакля ноябрьской ночью от служебного подъезда театра им. М. Заньковецкой отошел автобус с тридцатой пассажирами, готовыми преодолеть многие сотни километров пути, чтобы встретиться с коллегами из Литвы.

Каждый из них уже давно думал об этой встрече, искал и находил много родственного в творчестве своего театра и коллективов братской Литвы в свою очередь давно внимательно следивших за театральным искусством Украины, пробовавших свои силы в пьесах украинских драматургов. И вот теперь, как персонажи гриновской сказки, мы стремились друг к другу, предчувствуя долгожданное узнавание и готовясь к радостному продолжению встречи.

...Оно, это узнавание, началось уже в дороге. Автобус остановился на шоссе Вильнюс—Каунас. Мы вышли поразмяться после долгого сидения. И остановились: прямо перед нами под низким свинцовым небом открывался удивительно знакомый скупой литовский пейзаж. Тоненькие оголенные деревца. Вдали, под лесом, — хуторок. И тут кто-то сказал: «А ведь это из нашего спектакля «Называй меня матерью!»».

Действительно, художник В. Бортяков, автор оформления успешно идущей на сцене театра им. М. Заньковецкой пьесы литовского драматурга Д. Угневичюте, как будто подсмотрел пейзаж, открывшийся с того случайного участка шоссе Вильнюс—Каунас.

...К Паневежису подъехали уже в сумерках. Город, скрытый в тумане и тускло отсвечивающий нечастыми дорожными указателями, произвел на нас своеобразное впечатление. Маленькие аккуратные дома с палисадниками, составляющие большинство построек, не давали ощущения ни находящегося где-то рядом большого завода «Экранас» — побратима Львовского завода кинескопов, ни, тем более, театрального Паневежиса,

ставшего одним из оживленных перекрестков на путях интернационального единения советского искусства. Это ощущение к нам пришло в новой части города, где мы поселились в тринадцатизнажной гостинице.

Знакомство с театром состоялось на следующий день. Приветливые лица хозяев, встречавших львовян уже у входа, атмосфера праздника, идущая от радости установления непосредственных творческих контактов, здравица, провозглашенная режиссером Бледисом, добрые слова директора театра заслуженного артиста Литовской ССР Космускаса о дружбе между театрами, песни на литовском и украинском языках — все это лишь часть содержания тех дней.

Паневежисский театр щед-

ходкой (ни за что не дашь ему 66 лет!), Мильтинис говорит:

— Я прошу актеров выучить текст роли сразу и молча, чтобы не фиксировать и не искать интонации. А потом начинаем импровизировать, искать внутреннее действие, двигаться. На сцене всегда должна быть импровизация — только тогда спектакль будет звучать свежо и ново. Но всякая импровизация будет иметь свой предел, если не давать путь мысли, — ведь театр должен через язык выразить мысль человека. Значит, чтобы импровизировать, надо обладать большой эрудицией.

Мы приехали в Паневежис в дни репетиций (спектакли здесь играют только в пятницу, субботу и воскресенье; остальные дни недели — репетиционные). Выпускался спектакль по пьесе грузинско-

внутренне преобразились.

Цветовое и световое волшебство, совершаемое на наших глазах, при всей своей неповторимости и самобытности вдруг заставило ясно вспомнить виденные накануне в Каунасе, в музее, картины другого большого художника — Чюрлениса. Они корнями уходили к народным источникам и определялись отношением художника к миру, силой его утверждения и отрицания.

Итак, шло радостное постижение не только и не столько «секретов» Паневежиса, сколько людей, сумевших своим трудом, вдохновенным служением истине национальное искусство сделать интернациональным. И тогда вдруг стали понятными, осмысленными многие дотоле жившие безмолвно в нас вещи, которые теперь сделались откровениями. Так, например, в скорбной и сдержанной фигуре матери у скульптора Йокубониса (уроженца Паневежиса) угадывались драматически четкие черты героини Марии Заньковецкой.

Глаза загнанного человека Вайткус в исполнении Баниониса (фильм «Никто не хотел умирать») вдруг вызвали в памяти другие глаза и другого героя. Как ни странно, это был бандит Клевер. Его играл наш актер Ступка (спектакль «Называй меня матерью»). Именно тогда мы почувствовали, что не только актерское разоблачение образа бандита-националиста, но нечто гораздо большее — тема борьбы за пробуждение человечности в человеке может быть предметом внимания театра даже на таком материале.

В словах умного, пронизательного художника Мильтиниса: «Я искал правду на театре, правду, как базис искусства», — слышатся мысли великого Станиславского.

Словом, мы узнали друг друга. Результат этой встречи проявится не сразу. Но обязательно станет стимулом движения вперед. А там — необходимость обмениваться драматургией, творческими находками, необходимостью совместного решения многих проблем жизни и искусства и большая, только начавшаяся творческая дружба Львовского театра им. М. Заньковецкой и литовского театра из города Паневежиса.

Т. СТЕПАНЧИКОВА.
Искусствовед.

ЛЬВОВ—ПАНЕВЕЖИС

ро открывал нам свои «секреты». Мы ходили по светлому и просторному фойе, где вместо привычной рекламы и портретов актеров были выставлены работы молодых художников Литвы и Латвии, мягко ступая по светло-серым коврам, разглядывали литовские деревянные скульптуры, украшающие интерьер, и думали: не с этого ли уважительного отношения к своему дому, похожему скорее на музей, чем на театр, начинается создание общей атмосферы искусства? Кто знает, не в этом ли и заключался первый «секрет» Паневежиса.

Потом нас водили по сцене нового театра, объясняя ее технические удобства и преимущества, отмечая, между прочим, что проект принадлежит эстонским архитекторам.

Очень молодой актер театра — недавний выпускник студии Рудольф Янсонас с гордостью демонстрировал малый зал: «А это первая наша сцена», — сказал он, — куда мы приносим свои импровизации».

Да, именно импровизации. Ведь у руководителя Паневежисского театра Ю. Мильтиниса свой метод работы над спектаклем, своя школа воспитания актера.

Высокий, с седой бородкой и доверчивым открытым взглядом, с пружинистой по-

го драматурга Йоселиани «Пока арба не перевернулась». Режиссер спектакля Г. Карча — актер и режиссер, как многие в Паневежисе. Он говорит о постановке по-деловому: «Мы поручили оформление спектакля очень молодому художнику. Это его первая работа для театра». Кстати, Мильтинис считает, что постоянного художника-оформителя в театре быть не должно: «Я ищу тех художников, которые не знают, что такое театр. Лучшее всего — архитектор и скульптор...».

В спектакле «Пока арба не перевернулась» постановщиков, как обычно в Паневежисе, интересовал поиск правды. Только правды не бытовой, не этнографической, а... поэтической.

На сцене перед нами был интерьер дома старого Агабо. И вместе с тем это было поэтическое представление литовца о Грузии, жителя равнин — о горах.

Мы присутствовали на технической — световой репетиции спектакля. И тут узнали еще один из «секретов» искусства этого театра. То была «тайна» световой живописи, которой редко кто из художников театра владеет с таким совершенством. Прежде безликие, серые, даже немного неуклюжие станки декораций на наших глазах ожили, потеплели,